

ТЕАТР
ПЕРСОНА

Алла ДЕМИДОВА,

ЧЕЛОВЕК —

Не только множество ролей, сыгранных Аллой Демидовой в театре и в кино (вспомним хотя бы Раневскую в «Вишневом саде», Федру в «Федре», Ольгу Берггольц в «Дневных звездах», Марию Спиридонову в «Шестое июля»), но и «зашкаливающая» за тривиальные рамки «актерской культуры» интеллигентность делают эту актрису одной из самых заметных фигур в отечественном искусстве.

ТЕАТР

Владимир НУЗОВ

— Алла Сергеевна, мы беседуем с вами после спектакля «Гамлет», в котором вы играли все роли, включая главную. Можно предположить, вы давно стремились к этому, уж не со времен ли «Гамлета», поставленного Любимовым, где в этой роли был Высоцкий, а вы играли Гертруду?

— Мне показалось, вы спросите: уж не со времен ли первой постановки Гамлета в 1601 году... На самом деле мне посветовала сыграть мужскую роль Анна Алексеевна Орошко, художественный руководитель нашего курса в Шукшинском училище. В свое время она играла у Вахтангова Адель в «Принцессе Турандот», и он с ней, кстати, хотел ставить Гамлета. Я начала Гамлета репетировать, а потом уже Охлопков приглашал меня в своего «Гамлета»... И тогда Высоцкий сказал: «Хорошая мысль». Вот откуда возник Гамлет Высоцкого. Поэтому на ваш второй вопрос «почему именно Гамлет?» я тоже, кажется, ответила.

— Чей перевод Гамлета вы взяли — их ведь существует великое множество?

— Я взяла перевод Пастернака. Прежде чем работать над текстом, я позвонила Евгению Борисовичу Пастернаку, наследнику прав переводчика, и попросила разрешение воспользоваться текстом его отца. Перевод Лозинского тоже хорош и, говорят, более по лексике и звучанию соответствует старорусскому, но мне ближе Пастернак.

— А стихи Пастернака вы читаете в концертах?

— Моя программа называется «От Пушкина до Бродского», в нее входят, естественно, и стихи Бориса Леонидовича.

— Мы встречались с вами в США, когда вы по приглашению Иосифа Бродского приезжали в связи со 100-летием Ахматовой. Поэт не показался вам очень уж коммуникабельным, правда?

— Да, в книжке «Бегущая строка памяти» есть глава, посвященная ему и названная по строчке

его стихотворения «Остановись, мгновенье! Ты не столь прекрасна, сколько ты неповторима». В ней я рассказала, как привезла ему подарок из Москвы — раритетные книги прошлого века, вручила ему, ожидая восторга. А он даже не посмотрел на книги, бросил их куда-то в сторону. Потом, когда я была уже в Москве, он, как бы извиняясь, прислал мне свою книжку стихов с нежной надписью.

— Театр «А» под вашим руководством существует на самом деле или только теоретически?

— А что такое, по-вашему, театр? Давайте определим так: театр — это здание, это — время: средневековое или какое-то другое, театр — это драматург: Розовский, Арбузов и так далее. Наконец, театр — это актеры: театр Сары Бернар, театр Мейерхольда. А по определению Немировича-Данченко театр это коврик на площади, актер и один зритель.

— То есть на мой вопрос вы отвечаете положительно: театр «А» в понимании Немировича существует, хотя ни здания, ни труппы у него нет. Есть только Алла Демидова.

— Мне предлагали, кстати, помещение, давно, еще до перестройки. Но я тогда подумала: надо ведь содержать штат, играть с утра до вечера тридцать спектаклей в месяц, чтобы содержать еще и уборщицу, гардеробщицу и так далее. Я решила от этого освободиться, и мы маленькой труппой — пять актеров, осветитель, радист и директор — поставили Цветаевскую «Федру» и ездили по всем странам, по фестивалям и так далее. Когда мы наигрались «Федру», греческий режиссер Терзополус поставил «Квартет» Хайнера Мюллера, и мы опять-таки гастролировали по Европе. А сейчас вот «Гамлет» — все роли играю я, костюмы тоже мои, а репетировали спектакль мы в Афинах, то есть половину денег дали мы, половину — греки.

— С Театром на Таганке вы поддерживаете связь?

— Особых контактов нет, но, например, в минувшем году, летом, в Дельфах я играла моно-

спектакль «Тристан». Гостем фестиваля был Юрий Петрович Любимов, мы с ним часто обедали за одним столом, общались, обсуждали спектакли. А в спектаклях Таганки я не играю.

— В Москве только что открылся Всемирная театральная олимпиада. Какие ее спектакли вы бы отметили?

— Больше всего в театре я ценю уникальность, когда повторить спектакль невозможно. Боб Уилсон привез в Москву «Сны» Стринберга с актерами Королевского театра Стокгольма. Это — шедевр, потому что никто так не работает с пространством, со светом, с мизансценами, как он.

Или привезенный из Литвы Некрошюсом «Отелло» — тоже шедевр, соединение собственной культуры с общеевропейской — получается что-то уникальное. Или Сузуки из Японии, за которым я давно слежу и давно люблю. Он соединяет традиции японского театра с поисками театра Мейерхольда 20-х годов и с европейским театром. И получается что-то такое необъяснимое. Теодор Терзополус делает древнегреческие трагедии, лучше него их не делает никто. Его отличает абсолютное знание архаики — он и родился в деревне, где в свое время

родился Эврипид, и знание современных тенденций театра, поскольку стажировался и работал он у Хайнера Мюллера в «Берлинер ансамбле». Соединение архаики с немецким постпрессионизмом при минимальных выразительных средствах создает уникальность его постановок. Меня огорчает, что наша русская публика не подготовлена к такого рода восприятию театра, мы слишком переели театра психологической драмы, реалистической школы.

— Вы это чувствовали по реакции зала?

— Я видела, как публика просто покидала зал.

— Вы продолжаете сниматься в кино и, извините за наивный вопрос, какая ваша роль любимая?

— Ответить не могу, потому что многих своих фильмов не видела. В последнее время снялась у Грамматикова в «Маленькой принцессе», фильм пошел на видеокассету, и в «Незримом путешественнике» Таланкиных — это история Александра Первого и его жены.

— Вам не предлагали пойти в политику, поддержать какую-нибудь партию или президента на выборах?

— Нет, не предлагали, потому что я всегда как-то нахожусь на обочине в этом смысле.